

³ Каргопольский музей. КП 105.

⁴ Там же. КП 148.

⁵ Там же. КП 36.

⁶ Там же. КП 378.

О. А. Рудометова

Каргопольская свадьба (по этнографическим материалам из фонда письменных источников Каргопольского музея)

В Каргопольском музее хранятся материалы под заголовком «Свадьбы Каргополя и связанные с ними обычаи и обряды». Они поступили от исследователя края Ивана Ивановича Березина. Он родился в 1904 г. в д. Надконецкая (Надконецье)¹, которая в это время входила в состав городского сельского общества Шелтомской волости Пудожского уезда Олонецкой губернии.

Жанр своего произведения Иван Иванович назвал фольклорным очерком. Готовил его два года (1970-1971), на основе записанных ранее рассказов отца – Березина Ивана Михайловича, а также собственных наблюдений в соседних с Надконецкой онежских деревнях. На его собственной свадьбе значительная часть описанных им обычаев также соблюдалась. Его можно считать непосредственным участником событий, но изложение ведется как бы от стороннего наблюдателя.

В своей работе автор подробно и последовательно представляет весь цикл обрядов северорусской свадьбы, отметив главные ее особенности, значимые моменты и ритуалы. Этот этнографический источник представляет особый интерес для тех, кто желает иметь более точное и полное представление об особенностях местной традиции свадебного обряда. Содержание очерка стало основой концепции выставки «Каргопольская свадьба» (1992) в нашем музее, а также других мероприятий этой тематики.

Огромную помощь в изучении темы при подготовке выставки оказала Парасковья Владимировна Батутина (1906 г. р., д. Гусево Лодыгинской волости). Ее воспоминания – это яркие, образные картинки прошлого. Исполняемые ею фольклорные тексты и комментарии к ним проявили удивительное обаяние личности, сформированной традициями народной культуры. Настоящая статья – это результат очного знакомства с Парасковьей Владимировной, и заочного, по переписке, с Иваном Ивановичем, а также желания хотя бы кратко познакомить широкую аудиторию с их наследием. Статья представляет собой краткий «сценарий» Каргопольской свадьбы, который отражает последовательность свадебного обряда в самых важных его проявлениях. Она построена в основном на воспоминаниях И. И. Березина и П. В. Батутиной. Используются материалы публикации В. Ильинского (учителя из д. Рягово) в Олонецком сборнике (Вып. 3. – Петрозаводск, 1894).

Свадьбы на Каргополье справлялись обычно в конце зимы перед великим заговеньем. Свадебный обряд начинался с момента сватовства. Имущественное положение являлось определяющим в выборе невесты и жениха. Рассуждали так: «Ежели житье заправное у невесты, семья работающая, то и невеста не будет ленива». Главную роль в выборе играли родители, особенно отец. Родители подбирали сватов, известных краснобаев в деревне, и они ехали сватать невесту. Делалось это тайно, чтобы в случае отказа не быть осмеянными. Неудачливых сватов вели на улицу, сажали на борону, опрокинутую вверх зубьями и под всеобщий хохот катали их по деревне (д. Неклюдово, Гарь, Шелоховская). Долго после неудачного сватовства озорники при встрече напоминали свату об этом говоря, что его карманы наполнены квасною или кофейною гущею. А он оправдывался: «Девку просватать – все равно, что дровней у соседа просить» или «худой сватает – хорошему дорогу прокладывает» (д. Рягово). Чтобы сватовство было удачным, вслед сватам бросали валенки. Сваты одевались в лучшее платье, запасались восковой свечкой, бутылкой водки и отправлялись в дом невесты. По приветствию они

не садились, а стояли под воронцом, отираясь вынутыми из шапок платками. На предложение садиться, отвечали: «Не от сидячих посланы; у вас есть товаринка, а у нас купец; вашу товаринку зовут Анна Ивановна, а нашего купца Николай Петрович. Оба они люди молодые, нельзя ли их по суду Божию вместе свести?» Сваты так и стояли под воронцом, не садились до тех пор, пока на стол не подавали самовар. С подачею самовара отец невесты говорил: «Да уж, видно быть по-вашему. Как старуха?» — обращался он к жене. «То ведаешь ты, твоя воля», — обыкновенно отвечала мать.

Девушка-невеста, при зажжении свечи перед иконою, выходила из прируба, кланялась в ноги отцу и матери, обливаясь слезами, и просила не отдавать ее замуж.

«Что делать, девка, — отвечал отец, — стерпится, слюбится, видно, судьба!»

После того, как сваты добивались согласия родителей невесты на свадьбу, происходило закрепление сватовства — рукобитье. Крепко жали друг другу руки, целовались, вели деловые переговоры.

А возвратившихся назад сватов встречали вопросом: «Дуть на ложку, хлебать ли уха?»

Просватанная девушка невестилась три дня, а то и неделю до свадьбы со своими подружками помисельницами. Невеста не принимала участия в приготовлениях к свадьбе, а «сидела днем у окошечка, как птичка в клетке, боясь без нужды выйти за двери, чтоб лиходеи не испортили» (П. В. Батутина, д. Гусево). А жених с дружками поезжали зазывать свою природу (родню) на свадьбу: «К нашему молодому князю хлеба-соли кушать пожалуйста!»

Вечером жених с дружками приезжал к невесте. Садилась все вокруг стола. Девушки пели песни. Невеста должна была плакать голосом. Ей говорили: «Не наплачесе за столом, наплачесе за столбом». (П. В. Батутина, д. Гусево). Жених уговаривал свою суженую, а она рыдая причитала: «Ой, не полешева-то девушке взамуж

торопиться. Ой, как мне у батюшка пора-то дородно, хорошо. Ой, как родной батюшка придёт и меня побудит. Побудит родна матушка, придёт и меня да окутат. Пусть-ко дитятко мое поспит да еще. Во чужих-то людюшках по утру то рано будят. Ой, будят да на работушку угонят-то рано до зари. Да как позавтракать — тут скажут, молодка, погоди. Ой, как все голодна молодушка ходи. Да как за стол сядят молодушку-то позади. Да как зачем надо — всё молодушка поди и принеси. Ой, пока носишь, а у блюдышка доньшк видать. Ой, как бедной молодушке до сытушки не едать». (П. В. Батутина, д. Гусево).

Накануне свадьбы на девичниках прощалась невеста с вольной девичьей жизнью. Просватанная девушка надевала на голову украшенную бисером и речным жемчугом перевязку с прикрепленными на прут ленточками «флажками». Перевязка была не только символом вольной девичьей жизни, но и оберегом девушки до замужества. Чаще всего её так и называли «волюшка» и «красота». С этой «вольной-волюшкой», «красной-красотой» прощалась невеста в длинных причитаниях перед свадьбой. Обращаясь к подружке, невеста приговаривала:

Ты, крестова моя кумушка,
Ты возьми-то мою красну-красоту,
Золотую перевязочку
Ты носи да не занашивай,
По слотам, по непогодушкам
Ты держи да не задерживай.
По одним владычным праздникам
(на головушку накладывай)
Улетела красна-красота,
Что на Лаче да на озеро.
Там ловцы да хитро мудрые
Изловят да красну-красоту
Насмеются да нагалятся.

П. В. Батутина, д. Гусево

Главное место в свадебном обряде занимали причитания и песни невесты, её подруг, матери, «приговорки» дружки, а жених являлся почти безмолвным лицом.

Будущее, окутанное тайной, воспринималось трагично. Изменялась судьба женщины. И проявление всякого веселья с её стороны расценивалась как недопустимое легкомыслие.

Молодам-то я молодешенька.
Как травиночка да зеленёшенька
В поле ягодка да не дозрелая
Уж я девушка да неспелая.
Руса косонька да не дорощена,
Ала ленточка да не доношена.

.....
Развязалась шёлка ленточка
Потеряла красну-красоту
Охти мнечушки тошнехонько
Сколь гораздо обиднёшенько.

П. В. Батутина, д. Гусево

Накануне венчания две подружки невесты, подручницы, вели её в баню. «Ты пожалуй лебедь белая со своими милыми подружками во чистую парную баенку, да во чисту умываленку. Баня стоплена, сготовлена да для тебя, для красной девицы».

«Шествие до бани и обратно продолжалось не менее часа, потому, что идущие позади песенницы дадут ступить невесте и ведущим её подручницам раза три, а потом почти столько же оттянут их назад. Иногда томят невесту до того, что у неё зуб на зуб не попадается; однако она не тяготилась этим обычаем, а наоборот, находила, что чем дольше ведут её, тем славнее – больше для неё почёта». (В. Ильинский, д. Рягово).

«Спасибо вам, мои подруженьки, дорогие вы мои девушки, да белые лебёдушки, что меня зазвали в баенку, во чистую умываленку. Да не оставили меня да во последний час, да во последний раз». Приводят невесту к матери: «Спасибо тебе, родная, за твою парную баенку. Я намылася и напарилася. Не обошла моих подружек дорогих, не забуду я стараний твоих. Благослови-ко меня, маменька, меня дочку красну девицу, меня на день сегодняшней, меня на час да на теперешний. Буду сейчас одеватися да под венец собиратися». (П. В. Батутина, д. Гусево).

Обряд снаряжения к венцу длился не один час, и всё это время невеста рассказывала о своём нежелании ехать в чужую семью, о своём страхе перед новой жизнью.

Дорогая родимая мамонька,
Не чиркай спички да серяночки,
Не зажигай-ко свечку да воску ярово,
Да не запоручивай да мою буйную головушку
Да на чужую дальнюю сторонушку.

.....
Чем тебе я надоела, надокучила,
Чем тебе я нагорючила.
Не отдавай меня насилушку,
Пожалей ты дочь-либимушку.

П. В. Батутина, д. Гусево

Утешая, с песнями наряжали невесту к венцу подружки. В Ноколе невесту под рубашкой обвязывали сетью, в одежду втыкали иголки без ушка, а на шею весили щучьи зубы. Это должно было охранять её от порчи со стороны. В Рягове и жениха опоясывали старой сетью. «Сеть предохраняет от болезни – подвенечницы, а болезнь эта пристаёт иногда от порчи, иногда от сора, прильнувшего к ногам или подолу платья во время бракосочетания, и состоит в том, что к человеку привязывается невыносимая постоянная чесотка». (В. Ильинский, д. Рягово).

Наряжая невесту, девушки ставили её на сковороду (П. В. Батутина, д. Гусево). И если на девичники невеста надевала сатиновые и кашемировые пары, меняя их каждый день, то на свадебный день припасала самый лучший свой наряд – цветной шёлковый сарафан с позументом и кофта «казачок» в талию из той же ткани.

Жениха с друзьями встречали подружки невесты. Задаром невесту не отдавали, просили за неё косное (выкуп).

Дружки, бояре, все поезжане,
Сват большой, князь молодой,
Невеста скручена, наряжена,
Руса коса заплетена,
За косу рубль,
За прикосье-ленточки два рубля.

П. В. Батутина, д. Гусево

После выплаты косного наряженную невесту вели к родителям. Она кланялась им в ноги и просила благословения. Благословение состояло в том, что отец снимал с набожницы икону, сначала клал на голову дочери, а затем давал поцеловать её. Мать брала со стола хлеб и также клала своему детищу на голову.

«... Вон идет-да кормилец-батюшко, со рожёной моей матушкой, с соколочком братцем миленьким. Он несет, кормилец-батюшко, во своей да теплой пазухе икону пресвятую Богородицу мне несчастной сиротиночке крепкое благоловеньицо, вековое наделеньицо» (П. В. Батунина, д. Гусево).

Дочь кланялась и отцу и матери. Отец невесты брал её под руку, подавал жениху и говорил: «На, Николай Петрович, сам береги, а от других береги». Заливаясь слезами, невеста уезжала под венец.

Дружка с весёлыми шутками-прибаутками возглавлял свадебный поезд. В следующие сани, в них была запряжена тройка лошадей, садился жених со своим крёстным – тысяцким. За ним следовала тройка с невестой, божаткой и брызгой. Вслед за невестой становились сани с шаферами, за ними все остальные, тоже в установленном порядке. Мужики с ружьями окружили поезд и стояли вдоль дороги. И как только поезд двигался, раздавался оглушительный залп. Испуганные кони стрелой мчались вдоль деревни сияя начищенными до блеска сбруями. Развевались по ветру разноцветные ленты вплетённые в гривы лошадей. Звенели бубенцы и колокольчики. Ничто не могло задержать это стремительное движение. Даже такой же свадебный поезд следующий от венца, давал ему дорогу.

«Невесту с божаткой закрывали из предосторожности, чтобы идущая сзади лошадь не запачкала сзади платья и особенно атласных платков, т. к. едущие за невестою весёлые поезжане больше заняты бывают пением песен, чем лошадьёю. И горе мерину, если он, заслушавшись зычной песни, отстанет от передней лошади. Тогда загудит рука кнутодержца и станет чертить на сухих бёдрах реки и дороги неведомых ему самому стран. Тогда,

из сознания виновности перед своим властелином, он готов не только целовать невесту и крёстную, а даже с ногами забираться в их сани. Но те, конечно, никогда не принимают товарища, не терпят и поцелуев, а потому всегда заблаговременно закрываются простыней. Когда едут к венцу, крёстная сидит на левой руке, давая предпочтение невесте, как девице. А на обратном пути от венца она садится на правую руку, как старшая женщина и как крёстная мать. Обязанность кучера тогда принимает на себя молодой князь и сидит непременно на коленях молодой жены. Сиденьем на коленях выражается понятие о жене, как о рабе, которая безапелляционно и терпеливо должна переносить произвол своего господина» (В. Ильинский д. Рягово).

После венчания жених брал невесту под руку и вёл её в сторожку у церкви. Здесь и поднимали первый тост за новобрачных. Дружка незаметно бросал себе в рюмку порошину (соринку) и громко восклицал: «Запорошило!» (равное слову «Горько!») Все дружно его поддерживали: «Запорошило, запорошило!». К жениху обращался тысяцкий, к невесте – божатка: «Не стесняйтесь, снимите порошок, поцелуйтесь и поклонитесь всем. Спинки у вас молодые, не бойтесь, не переломятся». Лица новобрачных покрывались краской смущения, и под ликование следовал первый брачный поцелуй, вслед за ним поклоны в пояс всем присутствующим. После этого жених вёл невесту к своей тройке. Свадебный поезд, словно стая больших птиц, стремительно срывался с места. Вихрем летел он по дороге в дом жениха.

Раньше каргопольские деревни огораживались кругом изгородью, чтобы скот не вышел из деревни и не потравил посева. Для выезда за крайней избой делали ворота. Каждая деревня, мимо которой следовал поезд, готовила встречу с новобрачными. Мужики заваливали дорогу брёвнами, готовили костры у дороги, женщины украшали ворота. Вывешивали на них вышитые утиральники и ленты. Поезд останавливался у ворот. Все поздравляли молодых. Они поднимались в санях, низко в пояс кланялись народу на все четыре стороны. В это время группа бойких

мужиков и баб обступали тысяцкого и требовали с него выкуп за ворота.

В своей деревне новобрачных встречали звоном колокола на колокольне часовни. Родители жениха ждали молодых в снях избы. В руках у отца был хлеб и соль, у матери икона, обвешанная вышитым полотенцем. Дружка веником перед новобрачными дорогу распахивал, чтоб не попало под ноги какое колдовство. Молодая кланялась в ноги отцу жениха: «Богоданный батюшко, будь добрый и ласковый, прими меня в свою семью и люби как дочь родну». Он отвечал: «От меня не будешь обижена никогда».

Чуть не плача кланялась невеста свекрови: «Матушка богоданная, будь добра и ласкова, прими меня в свою семью и поучай меня как дочь родну, не ругай, не обидь, а я буду тебя слушать и тебе служить». Свекровь в ответ говорила: «Я тебя буду любить и жалеть как сына своего, только ты будь умна да послулива».

Родители благословляли детей, отец вручал сыну хлеб, а мать невесте икону. Дружка посыпал новобрачных житом, а тысяцкий заводил их за стол в большой угол. Когда все в избе немного упокаивались, тысяцкий просил свою жену, называя её по имени, сделать из девушки молодушку.

«Наталья Егоровна, иди сюда, сделай из девушки молодушку». Первой и второй просьбы жена, как будто не слышала. Наконец, на третью просьбу отвечала из прируба: «Я, Михаил Петрович, голос твой слышу, а пути не вижу. Вели дать дорогу». Тысяцкий просил дружку очистить дорогу.

Дружка без церемоний расталкивал любопытных зрителей, которыми в то время изба была полным полно. Жена тысяцкого шла вслед и несла на тарелке кокошник – женский головной убор, богато украшенный речным жемчугом, бисером, расшитый золотными нитями. Стол отодвигали. Две девушки вставали на лавки и держали плат за два конца, отгораживая им большой угол. За этим пологом божатка и жена тысяцкого снимали с девицы девичий головной убор, расплетали косу и плели две косы.

Расчесывая волосы, ряд разнимали хлебной горбушкой, а веретеном подправляли волосы. Хлеб был пожеланием плодородия и богатства, а веретено – пожеланием богатого урожая льна.

«...потом наложат на её голову кокошник, по кокошнику одевают большой плат атласный или шёлковый, подтыкнут платок булавкой под рылом. Сверху плат прикалывали булавкой к кокошнику, концы платка опускали вдоль до передков». (П. В. Батутина, д. Гусево). Богато украшенный жемчужный кокошник молодая носила до появления первого ребёнка, после чего он надевался в особо торжественных случаях.

«Когда невесту совсем нарядят, божатка брала зеркало и обращалась к жениху: «Кого видишь в зеркале?». Он, указывая на невесту, говорил: «Анну Ивановну». Потом у невесты спрашивали, она отвечала: «Николая Петровича». Скрепляли союз поцелуем. Тут девушки открывали плат. Молодые сидели за столом и гостей за стол садили. Вот и угощение начиналось». (П. В. Батутина, д. Гусево).

В деревнях Надконецкая и Рягово дружка уводил молодых в горенку и столование начиналось без них.

За свадебным столом была установлена строгая последовательность подачи кушаний гостям. Как только подавалось новое блюдо, прежнее тут же убиралось «подавали на стол поодинке, не вдруг». (П. В. Батутина, д. Гусево).

Сначала подавали на стол рыбки в строгой последовательности (от менее ценных рыб к более ценным). С последним рыбником угощение приостанавливалось до появления за столом новобрачных. Молодых бурно встречали. На стол ставили большие миски с горячими щами, сваренными из баранины. После щей приносили на столы пшённую кашу с топлёным маслом. После каши подавали по очереди разные пироги. За пирогами шли на стол калитки и тоже в порядке очерёдности. После калиток подавали булки, затем яичные блины, за блинами кисели. В заключении подавали «кончики» («погонялки») – тонкие

пироги из ягод, что значило – пир окончен. Во время свадебного застолья у каргопольских крестьян употребление спиртных напитков было практически символическим и с ним никак не связывалось веселье гостей. Водки подавали немного. К свадьбе варили пиво, готовили сбитень. Их тоже пили в небольших количествах.

Молодая жена гостей потчевала. За первым кушанием называла всё застолье, начиная с крестного, поименно «по одиночке». «Кушай крестнушко, выкушай пожалоста. Кушай Иван Иванович, кушай пожалоста». Перед каждым обращением кланялась «Кушайте гости любящи, кушайте пожалоста». Народ на свадьбе веселился долго: пели, плясали, танцевали кадрили. Молодёжь затевала игры. А новобрачных уводили в подклеть, где была устроена для них постель. В Каргопольском уезде был обычай – на брачную постель стелили несколько настилальников. Молодой должен был проспаться на всех простынях, тогда у жены будет много детей. Утром свекровь будила молодых, сдёргивая одеяло. Надо было быстро вскочить, чтобы не было болезней.

В этот день топили баню для новобрачных. Готовила её божатка, а дружка охранял от лихого глаза. Пока молодые мылись, божатка приносила из избы горшки и била их о двери на счастье. Когда дружка приводил молодых из бани, в избе было полно народу и вновь начиналось столование. На второй день гости приходили со своими пирогами. Начиналось столование с чаепития и продолжалось весь день. К вечеру дальние родственники уезжали домой. А для невесты наступала новая жизнь с другими порядками, с новыми обязанностями. Наряду со страхом перед подневольной жизнью в чужой семье, в глубине души каждой девушки жила надежда на возможное счастье. Сжималось сердце от страха перед неизведанным, жутко и сладко замирало оно, если судьба соединяла любящих.

Радость и глубокая печаль – вот два чувства, на которых строился свадебный обряд. Сколько мудрости и красоты было в этом народном обычае. И лучшим

подарком судьбы, редким и труднодостижимым, как сказочная птица, являлась любовь!

Не по морюшку лебедушка плывёт,
Выше берега головушку несёт,
Не ко мне ль – то родна матушка идёт.

Ты поди, поди сударыня моя,
Невести при большом горяшке меня,
Как я маюсь, во чужих людях живу.

Я чужим отцу да матери служу,
Не по плису, не по бархату хожу,
Я хожу, хожу по острому да лютому ножу.

П. В. Батутина, д. Гусево

¹ Деревня Надконецкая в состав Каргопольского уезда входила до 1785 г. и в период с 1922 по 1929 г. (годы юности И. И. Березина). В 1894 г. – это большая деревня (37 дворов, 190 жителей). Располагается д. Надконецкая на левом берегу реки Онеги в 70 верстах от Каргополя по Архангельскому тракту. С 1963 г. по настоящее время она относится к Плесецкому району Архангельской области.

² Основные чины на каргопольской свадьбе:

Тысяцкий – (крестный жениха) являлся главным руководителем свадьбы, был блюстителем свадебных обычаев и обрядов. Он формировал состав свадебного поезда, за столом исполнял обязанности «тамады».

Дружка – наставник молодоженов подбирался из пожилых мужиков, знающих поверья; «тайны», скрепляющие супругов на всю жизнь. Главная задача дружки – оградить молодых от наговоров, колдовства, от лихого глаза и научить их правильному поведению во время свадебного обряда.

Шафера – представители жениха, двое самых близких его друзей. С красными бантами на груди они сопровождали жениха на девичники. В день свадьбы перевязывали грудь вышитыми полотенцами. Их задача – охранять, выкупать невесту перед венцом, сопровождать ее к дому жениха. В церкви во время венчания они держат венцы над головами жениха и невесты.

Божатка – наставница невесты, обычно ее крестная мать. В день свадьбы неотступно находилась при ней и наставляла как вести себя во время свадебного обряда.

Брызга – задушевная подруга невесты. После рукобитья все время была рядом с невестой, поддерживала ее морально. Невеста делилась с ней сокровенными думами.

Подручницы – подружки невесты, сопровождающие ее в баню накануне венчания.